

Пётр Ахмедович
ИСКЕНДЕРОВ

РУССКИЕ КОНСУЛЫ О МАКЕДОНЦАХ И АЛБАНЦАХ*

Аннотация:

Статья посвящена анализу деятельности и письменному наследию российских дипломатов, работавших в конце XIX — начале XX вв. на Балканах: в Македонии и Албании. Автор рассматривает оставленные ими характеристики балканских народов, в том числе с точки зрения их происхождения и этничности. В статье использованы неопубликованные архивные документы.

Ключевые слова:

Россия, Балканы, история, дипломатия, консульская служба, южные славяне, Болгария, Сербия, Османская империя, Македония, Албания, письменные источники.

Abstract: P.A. ISKENDEROV “THE RUSSIAN CONSULS ON THE MACEDONIANS AND THE ALBANIANS”.

The article is devoted to the activities and written works of prominent Russian diplomatic representatives in the Balkans — in Macedonia and Albania. The author analyzes their approaches to the history and ethnicity of the Balkan peoples. The article is based on unpublished archive documents.

Keywords:

Russia, the Balkans, history, diplomacy, consulates. South Slavs, Bulgaria, Serbia, Ottoman Empire, Macedonia, Albania, written sources.

В российском Министерстве иностранных дел уже в конце XIX в. вполне отдавали себе отчет в сложности и «взрывоопасности» ситуации в Македонии — этом «яблоке раздора» на Балканах. В отличие от своих коллег из внешнеполитических ведомств других великих держав, русские дипломаты пытались выявить объективные ключевые тенденции развития этой балканской области и наметить возможные пути урегулирования существующих и могущих возникнуть в будущем проблем.

Русский консул в Ускюбе (Скопье) В.Ф. Машков отмечал в январе 1900 г.: «Турецкое правительство после войны 1878 г. задалось целью переорганизовать западные и центральные вилайеты Балканского полуострова таким образом, чтобы административные границы ни одного из них не совпадали бы с этнографическими пределами населяющих их народностей. Этим, по-видимому, путем имелось в виду затруднить применение разных реформ и частичных автономий, а, может быть, и способствовать расселению арнаутов (албанцев. — *П.И.*) и по таким местностям, где христианское население до сих пор оставалось более или менее сплошным»¹.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 18–512–76004).

На фоне наблюдавшейся в балканских и западноевропейских столицах «этнической эквилибристики» сотнями тысяч жителей той или иной национальности донесения российских дипломатических представителей в Македонии на рубеже XIX–XX вв. по указанному вопросу отличались похвальной сдержанностью и осторожностью. Так, российский консул в Битоли А.А. Ростковский в предисловии к своей работе «Распределение жителей Битольского вилайета по народностям и вероисповеданиям в 1897 году» предупредил, что он «не решился даже на попытку выяснения вопроса, к какой народности — сербской или болгарской — принадлежат македонские славяне, так как мне кажется, — писал дипломат, — что македонское наречие представляет переходную ступень от сербского к болгарскому языку, и потому я внес их под одну общую рубрику славян, разделив их только на патриархистов, экзархистов и мусульман. Что касается первых, то за исключением Кырчовской и Дебрской каз, где они сербофильствуют, остальные находятся под греческим влиянием и имеют в своих церквях богослужение на непонятном для них греческом языке, а также посылают детей в греческие школы, в коих учителя стараются, хотя и безуспешно, их выучить говорить по-гречески. Эти патриархисты известны у греков под именем “эллинов болгарофонов”»².

Другой видный представитель российской политической школы, А.В. Амфитеатров, сообщал о примечательном разговоре на данную тему с А.А. Ростковским: «Когда я, будучи в Битоли, спросил г. Ростковского, почему он держится такой осторожной классификации, он с полной откровенностью ответил, что, несмотря на свое семилетнее пребывание в Битоли, полное постоянного общения с местными славянами, он до сих пор не решается определить, где в последних проведена граница между болгариним и сербом». А.В. Амфитеатров отмечал, что того же мнения придерживался и Н.А. Илларионов, российский генконсул в Салониках, 30 лет знакомый с Балканским полуостровом³.

Стоит привести и весьма объективное мнение военного корреспондента П.А. Риттиха, посетившего Македонию летом 1901 г. и сообщившего о том, что «деление скопийских (скоплянских. — П. И.) славян на сербов и болгар совершенно не выдерживает критики: это один и тот же народ, охваченный либо болгарской, либо сербской пропагандой. Т[ак].к[ак]. болгарская пропаганда ведется болгарскими издавна, т.е. в течение более 30 лет, а сербы начали тут работать лишь с 1886 г., то естественно, что в городе большинство славян охвачено болгарской пропагандой, но и сербы не дремлют и ежегодно охватывают не малую толику адептов от болгар, что явствует из того, что за последние годы число болгар в Скопии и ее епархии не увеличилось, а уменьшилось»⁴.

Причины подобного смешения крылись в том числе и в политике Османской империи, для которой при проведении налоговых и иных переписей приоритетным являлся вопрос вероисповедания (по нему сербы, болгары и греки не различались), а не этноса. Как подчеркивал П.А. Риттих,

«турки не делят македонцев по национальности, а лишь по вероисповеданию, которое с точки зрения мусульманской гораздо важнее и существеннее. Последствием такого отношения турецкого правительства к славянскому элементу в Македонии явилось то, что македонцы в массе не имеют и по сию пору национального и политического самосознания»⁵.

На это же указывал и А.В. Амфитеатров: «Турецкая власть вообще не считается с национальным делением своих народов, а признает лишь религиозное. Взамен статистики по национальностям, у нее имеются рекрутские списки, разделяющие мусульман, подлежащих воинской повинности (пуфуз), от христиан, платящих освободительный от воинской повинности налог (бедели-аскериз). Для нее существуют православные, католики, иудеи, мусульмане, гебры (приверженцы зароастризма. — П. И.), но о народности православных, католиков, иудеев etc. турецкая власть говорит лишь тогда, когда эта народность и исповедуемая ею религия сливаются для нее в общий и нераздельный символ. Православная вера для турок — греческая вера. Вот почему и сыграл такую важную роль в истории болгарского возрождения и освобождения Экзархат, отделивший болгар от Вселенского патриархата в отдельную группу. Как народность болгары не выделялись в мнении турок из ряда других “рум-милети”. Но когда туркам выяснилось, что болгары — не греческой веры, а своей собственной, болгарской, — они, хотя и с крайним неудовольствием, полные самых тяжелых предчувствий, принуждены были признать болгар новою, специальной народной единицей. Вот почему также каждый шаг пропаганды в Македонии для серба вдесятеро труднее, чем для болгарина, и вся сербская пропаганда бесплодна сравнительно с болгарской. Болгары несли македонскому народу плоды осязательные: славянское богослужение, славянскую школу и, главное, официально признанную национальность. Сербам же — что касается богослужения и школы — до сих пор приходится выпрашивать славянского языка, как милости, или отвоевывать силой и скандалами у греческих епископов, сплошь фанатиков-фанариотов»⁶.

Противоречивые процессы происходили в Македонии и в церковной сфере. Султанский фирман от 1870 г. учредил Болгарский экзархат, в состав которого вошли две епархии не только с болгарским, но и с сербским населением (Пиротская и Нишская) и часть Македонии. Предусматривалось, что к Экзархату могут присоединиться и другие епархии, в которых две трети православного населения выступают за присоединение. Уже через два года после этого к Экзархату присоединились Скопская и Охридская епархии, ряд сел в смешанных епархиях признали его власть.

Как справедливо заметил позднее видный российский дипломат, русский посланник в Сербии в 1914–1917 гг. Г.Н. Трубецкой, Сан-Стефанский договор «поставил ясную определенную цель перед Болгарией и освятил народный идеал высшим признанием его Россией-освободительницей. Для достижения этого идеала болгарский народ уже имел в своем распоряжении мощное орудие в лице такой организации, как Экзархия»⁷.

Правда, в 1879–1880 гг. многие болгарские экзархийские церкви в Македонии были закрыты в отместку за поддержку местным славянским населением и духовенством России в войне с Турцией. Болгарские митрополиты в Ускюбе и Охриде покинули свои епархии. В этих условиях Экзархат всеми силами стремился добиться подтверждения султаном фирмана 1870 г. Это произошло в 1883 г., и вслед за этим стала стремительно расширяться сеть болгарских школ в Македонии, перед которыми ставились вполне конкретные задачи в области национальной пропаганды. Как указывал А.В. Амфитеатров, «лишь весьма незначительная часть болгарского духовенства и школьного персонала в Македонии остается нейтральной в деле освободительного движения. Большинство — либо верные слуги, либо полномочные агенты, либо даже вожаки и заправилы революции»⁸.

Изменение международной обстановки в Европе привело к определенной корректировке позиции России по балканским проблемам и, в частности, по македонскому вопросу. Внешнеполитические приоритеты России на определенное время переместились на Дальний Восток, что послужило одной из ключевых причин провала так называемого проекта А.И. Нелидова от 1896 г. о захвате Россией Черноморских проливов. Как писал министр иностранных дел России А.Б. Лобанов-Ростовский, занимавший этот пост в 1895–1896 гг., «нам надо бы поставить Балканы под стеклянный колпак, пока мы не разделаемся с другими, более спешными делами»⁹.

Преемник Лобанова-Ростовского на посту главы российского внешнеполитического ведомства М.Н. Муравьев разделял в этом отношении его взгляды и вошел в историю как один из архитекторов комплекса русско-австрийских соглашений по Балканам, в центре которых лежало требование проведения в этой османской провинции реформ.

Однако уже к концу первого десятилетия XX в. ситуация в Македонии и вокруг нее вновь обострилась и окончательно приобрела военно-политическое и межгосударственное звучание, что потребовало и от России внести коррективы в свои прежние подходы.

Не менее сложной являлась для России в конце XIX — начале XX вв. албанская проблема, тесно связанная с геополитическими интересами Санкт-Петербурга в балканском регионе и ее отношениями с ближайшими российскими союзниками — Сербией и Черногорией. Главным специалистом по Албании и албанцам в преддверии Первой мировой войны в российском Министерстве иностранных дел являлся Александр Михайлович Петряев (1875–1933) — дипломат, дипломатический представитель России в Битоли и Влере и в Международной контрольной комиссии в Албании. Он являлся одним из ведущих специалистов своего времени по истории южных славян и балканским проблемам.

Александр Михайлович Петряев родился 27 октября 1875 г. в Санкт-Петербурге и уже в ранние годы проявил исключительные способности к изучению иностранных языков. В общей сложности Петряев говорил на

14 языках. Это позволило ему получить блестящее образование в Санкт-Петербургском университете, который он окончил по программам двух факультетов — восточного и юридического — после чего закономерно последовало его вступление на дипломатическую стезю.

Первым местом работы в штате российского министерства иностранных дел для А.М. Петряева стала дипломатическая служба в Персии, откуда он вскоре был переведен на Балканы, сначала в качестве драгомана (переводчика) в посольстве России в Константинополе, а затем — помощника российского гражданского агента в Османской империи по проведению реформ в Македонии в рамках соглашения, достигнутого по данным вопросам между Россией и Австро-Венгрией (Мюрцштегская программа 1903 г.), также консула в Битоли, а позднее — во Влере. Именно в этом городе 28 ноября 1912 г. была провозглашена независимость Албании.

Петряев в своих обстоятельных донесениях и аналитических записках всесторонне анализировал взаимоотношения албанцев и славянских народов Балканского полуострова, предупреждая о растущей роли албанского фактора, который тогда склонны были недооценивать многие российские дипломаты: «Албанский народ, никогда не игравший политической роли, под турецким господством приобретает такую силу, что выходит из своей области, расширяя свои границы, поглощает другую народность, за которую стоит славное историческое прошлое»¹⁰.

Перу А.М. Петряева принадлежал ряд дипломатических записок, которые легли в основу проектов российского министерства иностранных дел по проведению реформ в Европейской Турции, а также разрабатывавшейся перед Первой мировой войной общей системы интересов и приоритетов России на Балканах. В частности, дипломат выступал за создание сильного югославянского государства, формирующегося вокруг Сербии и призванного стать надежным союзником России. В это государство, по его мнению, могли бы войти и югославянские народы Австро-Венгрии. «Возникновение единой Великой Сербии или Сербохорватского государства было бы самым удачным решением югославянского вопроса, и в русских интересах стремиться к тому, чтобы эта политическая комбинация осуществилась. Сильное славянское государство с 14 млн жителей, обосновавшееся на берегах Адриатического моря, интересы коего нигде не сталкиваются с русскими, было бы, конечно, весьма желательным элементом в нашей будущей западноевропейской политике», — докладывал А.М. Петряев в Санкт-Петербург в начале 1914 г.¹¹

В рамках поиска решения албанской проблемы российское министерство иностранных дел обратилось к работавшим на Балканах дипломатам с просьбой подготовить собственные предложения на этот счет. Наиболее проработанными в итоге были признаны проекты российского посланника в Софии А.В. Неклюдова и консула в Митровице А.М. Петряева. Оба документа были весьма близки по содержанию и, в частности, предусматривали сохранение верховного суверенитета турецкого султана над Алба-

нией при одновременном расширении ее автономных прав. При этом Неклюдов настаивал на выводе с албанской территории турецких войск. Петряев же соглашался на их присутствие под командованием турецкого генерал-губернатора, но при этом предлагал установить контроль над ним со стороны специальной комиссии представителей шести великих держав.

Именно данная идея в итоге и была реализована в рамках Лондонского совещания, притом, что российское министерство иностранных дел формально отказалось делать выбор в пользу какого-либо из двух проектов, сведя их в один документ и переслав обобщенный вариант в Лондон, где посол России А.К. Бенкендорф доложил его на совещании.

А.М. Петряев являлся в российском дипломатическом корпусе на Балканах одним из наиболее нестандартно мыслящих дипломатов — умевшим просчитывать неординарные политические комбинации. В частности, он выступал за максимально возможное территориальное расширение албанских границ в южном направлении — за счет Греции. Соответствующая идея (находившаяся в противоречии с общепринятым в российском внешнеполитическом ведомстве мнением в поддержку Греции) была озвучена Петряевым в частном письме из Лондона на имя директора 2-го политического (Ближневосточного) департамента министерства иностранных дел России князя Г.Н. Трубецкого от 12 марта 1913 г. Дипломат считал расширение территориальных пределов новообразованного албанского государства в южном направлении (в сторону Греции) выгодным для России в связи с тем, что подобное расширение способно сдерживать и компенсировать аналогичный процесс в направлении Сербии и Черногории, а также противодействовать росту националистических настроений в самой Албании. Кроме того, Петряев прямо обвинил сербов в том, что они своими действиями ужесточают позицию Австро-Венгрии в вопросе сербо-албанского территориального разграничения и, в частности, по поводу принадлежности г. Дзяковица¹².

А.М. Петряев занимал гибкую позицию и еще по одному принципиально международно-правовому вопросу, получившему свою особую актуальность накануне и в годы Первой мировой войны — о принципах преемственности соглашений в случае перехода затрагиваемой ими территории от одного государства к другому. Он подчеркивал, что «принцип сохранения обязательств, заключенных одним государством по отношению к какой-нибудь территории, с переходом этой последней под власть другого, обыкновенно соблюдается, но что необходимо делать различие между обязательствами, уже получившими реальное осуществление, и теми, которые являются в некотором роде *in spe* [в надежде]»¹³.

Вершиной дипломатической деятельности Александра Михайловича Петряева стала должность товарища (заместителя) министра иностранных дел России во Временном правительстве А.Ф. Керенского, которую он занимал с июля по октябрь 1917 г.

Октябрьскую революцию дипломат не принял и примкнул к белому движению. В 1919 г. в так называемом «Правительстве при главнокомандующем Вооруженными Силами Юга России» (ВСЮР) А.И. Деникине он занял пост помощника прекрасно знакомого ему по работе в Министерстве иностранных дел князя Г.Н. Трубецкого по управлению ведомством вероисповеданий. С января 1920 г. Петряев — официальный дипломатический представитель генерала Деникина в Болгарии. В этом качестве он внес заметный вклад в решение задач гуманитарной, правовой и социальной помощи беженцам из России.

Однако активная деятельность миссии А.М. Петряева привела к нарастанию противоречий с болгарским правительством лидера «Земледельческого союза» А. Стамболийского, питавшего симпатии к большевистской России. Осенью 1922 г. власти Болгарии наложили арест на русский депонированный фонд объемом в 11 млн левов, а также приступили к конфискации имущества белогвардейских офицеров и их высылке за пределы страны.

В этих условиях Петряев принял решение переехать в Белград, где к этому времени установил хорошие связи в среде российских офицеров, воевавших в армии барона Врангеля. Именно в Югославии Петряев смог вернуться к своей основной, дипломатической, деятельности, получив работу в местном министерстве иностранных дел. Там же, в Белграде, А.М. Петряев скончался 9 ноября 1933 г.

ЛИТЕРАТУРА

- Амфитеатров А.В.* Страна раздора. Балканские впечатления. СПб., 1903.
- Искендеров П.А.* Александр Михайлович Петряев // Вопросы истории. 2018. № 1. Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны: Сборник документов / Министерство иностранных дел Российской Федерации. Тула, 2014.
- Писарев Ю.А.* Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны. М., 1985.
- Риттих П.А.* По Балканам. Путевые впечатления военного туриста. СПб., 1909.
- Ростковский А.А.* Распределение жителей Битольского вилайета по народностям и вероисповеданиям в 1897 году // Живая старина. 1899. № 1.
- Он же.* Распределение жителей Солунского вилайета по народностям и вероисповеданиям в 1899 году // Живая старина. 1900. № 4.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 1472. Л. 8–9.
- ² *Ростковский А.А.* Распределение жителей Битольского вилайета по народностям и вероисповеданиям в 1897 году // Живая старина. 1899. № 1; *Он же.* Распределение жителей Солунского вилайета по народностям и вероисповеданиям в 1899 году // Живая старина. 1900. № 4.

- ³ *Амфитеатров А.В.* Страна раздора. Балканские впечатления. СПб., 1903.
- ⁴ *Риттих П.А.* По Балканам. Путевые впечатления военного туриста. СПб., 1909. С. 143–144.
- ⁵ Там же. С. 141.
- ⁶ *Амфитеатров А.В.* Страна раздора... С. 28–29.
- ⁷ *Трубецкой Г.Н.* Русская дипломатия 1914–1917 гг. и война на Балканах. Монреаль, 1983. С. 38–39.
- ⁸ *Амфитеатров А.В.* Страна раздора... С. 25.
- ⁹ Восточный вопрос во внешней политике России. М., 1978. С. 287–288.
- ¹⁰ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 5296. Л. 52.
- ¹¹ Там же. Д. 161. Л. 24–26, 33.
- ¹² Там же. Д. 2087. Л. 272.
- ¹³ Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны: Сб. документов. Министерство иностранных дел Российской Федерации. Тула, 2014. С. 127.